

Однажды много лет назад, я побывала в Сочинском музее Николая Островского. Что-то разглядывала с любопытством, по чему-то, как и другие туристы, лишь пробежала взглядом. С интересом рассматривала трафарет, которым пользовался Островский, когда писал свои книги. И вдруг я увидела строчку из письма его матери. Она кому-то писала, что за Колей никто не смотрит, лежит он один. Я была поражена. Не может этого быть! Ведь всем известно, что он никогда не был один! Жена, родные и близкие, друзья... Почему она так написала.

Тогда я не могла понять, потому что Николай Островский и все, кто был с ним рядом, являлись для нас просто символами. Мужественные, нестигаемые, бесконечно преданные Родине... И как мало мы думали о них просто как о самых обычных людях. А ведь матери, убитой горем, и при самой хорошей сиделке должно было казаться, что за её сыном никто

не смотрит. Да ведь и нельзя совсем не отходить от постели больного, подобное ни для кого не выполнимо!

Тогда я впервые задумалась: какие они были Островские: Как в книжках или другие?

В музее было много писем. Но поражённая своим «открытием», я конечно же, не заметила письма от девочки Тины из глухого сибирского села. О том, что оно была там, я узнала только повстречавшись с самой Тиной – Христиной Ивановной Кердан, жительницей города Коркино.

Тина Ивановна (она попросила называть себя именно так) подала мне целую пачку писем матери Николая Островского – Ольги Осиповны. Не грамотные, коротенькие письма больной старой женщины открывали для меня новые страницы её жизни.

* * *

Соседка, не докричавшись своих ребят, заглянула к Керданам. Ну так и есть! Опять полна изба народу: вся окрестная ребятня тут.

– Иван Яковлевич, чё они все к вам бегают? Мёдом что ли у вас намазано? – полюбопытствовала соседка.

– Дак, книжку интересную читают, – расплылся в улыбке хозяин.

А книжка называлась «Как закалялась сталь» Николая Островского. Она только недавно попала в школьную библиотеку, и все ею зачитывались. В избе читала книгу вслух дочка Ивана – тринадцатилетняя Тина. Подолгу читать ей было трудно, но, когда она откладывала книгу «до следующего раза», ребята расхотели.

– А что дальше будет?

– Останется живой Павка Корчагин?

– Тин, а когда снова приходиться?

Тина назначала время, и ребята разбегались.

И только сама Тина оставалась дома. Когда все уходили, она тихонько плакала. От невыносимой боли. Оттого, что ничего в её жизни больше не будет. Только эта вот постель. Да ещё книжки.

Кто мог подумать, что падение на лестнице на Никольском взвозе в Тобольске, где они прежде жили, так скажется на всей её судьбе? Разбитое колено вдруг сильно разболелось, признали туберкулёз кости. И вот уже вскоре лона не смогла ходить совсем. Только постель. Да и тут малейшее движение причиняло страшную боль. Даже мать – Ефросинья Павловна боялась дотронуться. А какие врачи и больницы в их таёжной глуши? Конечно, в Малом Нарысе, где жили спецпереселенцы, о них и не мечтали. Не может ходить человек – значит, всё, калека. А потому и образование ему вроде ни к чему. Какая школа!

А Тина была отличницей, на одни пятёрки окончила четыре класса. И хотелось учиться дальше. Только зачем? Всё теперь ни к чему...

А зимой тридцать шестого в Малый Нарыс долетела весть: умер Николай Островский. И хотя знали из газет, что он тяжело болен, что прикован к постели, но известие оглушило. Тина узнала, что их школьный учитель послал соболезнование матери Островского, где-то адрес вычитал. Девочка через сестру попросила дать адрес Ольги Осиповны ей. Выразила глубокое соболезнование и написала, что сама чувствовала и пережила. Что прикована к постели, осталась без занятий в школе. Короче говоря, написала всё, что может написать девочка пятнадцати лет с изболевшимся телом и душой.

Все последующие дни она ждала почту. Ответит или нет ей мать писателя? За окном мело. Было зябко и одиноко. Наверное, человек может почувствовать одиночество и среди близких людей. А в доме Тину окружали кроме отца с матерью сёстры и братья – Нюра, Наташа, Петя, Коля, Зина, Вася... И шум был, и смех, и слёзы, и – непрерывный труд. Ефросинья Павловна не принимала отговорки «не могу» и «не хочу». «У неумейки руки не болят», – частенько звучала в избе её любимая поговорка. С самых малых лет приучали они с мужем своих детей к труду. Когда она привязала для маленького Коли, которому ещё и трёх лет не исполнилось, куделю к ножке стола, даже Иван Яковлевич не выдержал:

– Куда ты его, малого? Не понимает ещё ничего!

– Не беда отвечала она. – Пусть учится! – А сама малышу объясняет: – Ты, сынок, шёрстку-то слюночкой смочи, вот она и крутиться будет... А веретёнце вот так верти...

И все потихоньку привыкали – пряхь, шить, вязать, вышивать... И учиться у других не стеснялись. Иван Яковлевич пример в этом показывал. Надо сложить печь, пойдёт к мастеру в соседнюю деревню, посмотрит, как и что, и глядишь – свою сложил. Бочку надо для хозяйственных нужд смастерить, поучится и сделает. Сам сапожничает, а Ефросинья Павловна портняжничает – без дела никогда не сидели.

Вот и Тина, хоть и болела, а без работы не оставалась – штопала одежду, вышивала, а ещё читала, рисовала и ждала письмо. Оно пришло неожиданно быстро. Ольга Осиповна просила незнакомую девочку написать всё подробно: как она заболела, что надо сделать для лечения... А после второго письма Тины в Малый Нарыс пришла посылка. Она была неожиданной. Иван Яковлевич сходил на почту (а это ни много, ни мало, а двенадцать километров) и принёс её. Собрались все: ведь сама Островская прислала!

В посылке оказались художественные книги, роман-газета с незаконченным произведением Николая Островского «Рождённые бурей», разноцветные ленты для волос, портфель... Настоящий портфель! Ольга Осиповна верила, что когда-нибудь Тина снова пойдёт в школу...

С тех пор Тина стала регулярно получать письма из далёких тёплых краёв – с Чёрного моря, из Харькова, из Есентуков... Иногда ей казалось: у Ольги Осиповны и без неё хватает хлопот. Наверное, не стоит её беспокоить. Как-то решила больше не писать. А Островская прислала встревоженное письмо её родителям: не случилось ли чего с дочкой?

Вот так и вошла в жизнь девочки эта добрая и мужественная женщина, сама, впрочем, очень нездоровая...

Вот строки из её письма:

«Сочи, 1 мая, 1938 года. Милая девочка, шлю тебе привет с 1 мая. Я твоё письмо получила. Обидно, что ты до сих пор не можешь ходить, но не унывай и надейся, что молодость преодолет болезнь. Моё здоровье плохо. Больше лежу, чем хожу. Я скоро уеду с Сочи в Москву. Но ты пиши на Сочи. Мне передадут письмо. Будь здорова. Твоя Островская. Пошлю тебе два блокнота для рисования».

...Я с интересом рассматриваю один из этих блокнотов-альбомов. Небольшой, тоненький, но как ценила его Тина! Самые лучшие рисунки здесь помещала. Масло, карандаш, перо и тушь – рисовала всем, что попадало под руку. Некоторые рисунки делала с известных картин, другие придумывала сама. Особенно удачно получалась природа – то тоскливая и холодная, то тихая и задумчивая... За один из этих рисунков она на выставке детского творчества в Тюмени получила премию и Почётную грамоту.

А ещё раньше, в дом зашёл школьный учитель и посоветовал:

– Надо в Москву в ЦК комсомола написать! Пусть там похлопочут, чтобы послали тебя лечиться...

Секретарём ЦК тогда был Косарев. Ему-то Тина и написала о своей беде. На этот раз на ответ даже не надеялась. Разве дойдёт письмо из глухой тайги к самому Косареву? А оно не потерялось, дошло. И ответ пришёл: надо было собираться в Тобольск, в больницу. А в семье – денег ни копейки, как раз... Но вдруг нагрянул перевод – пятьдесят рублей от Островской. Как будто почувствовала Ольга Осиповна, что эти деньги будут нужны! И через месяц Иван Яковлевич повёз дочь в Тобольск.

«16 июня 38 года. Сочи. Милая Тина. Я получила два твоих письма и не ответила тебе. Я очень нездорова. У нас сильная жара до 50 град. И нет сил ходить и соображать что-нибудь. Я тебе посылаю 10 р. Если ты их получишь, напиши, ещё пошлю. Здоровье моё совсем слабое. Я ездила в Харьков, но и там сильная жара. Пошлю тебе Катюши и Аркадия фото, это мои внуки. Катюша живёт с нами в Сочи, а он в Харькове. Пока у нас всё по-старому. Будь здорова. Твоя Островская. Напиши, как ты предполагаешь долго быть там и как это далеко от дома твоего».

«Там» – это в Тобольской больнице, куда Тина уже прибыла. А вот и фотографии. В альбоме, на котором любовно выведено «Николай Островский», до сих пор хорошо сохранились снимки, репродукции, газетные вырезки, присланные Тине Островской. Вот молодая Ольга Осиповна и маленький белокурый Коля. Ему здесь полтора года, и он очень похож на девочку. А вот Коля уже постарше. Рубашка подпоясана пояском, взгляд хмурый (наверное, не хотел фотографироваться?)...

Вспоминаю, как ты малым.

Защищал меня:

«Как вырасту – не позволю

Обижать тебя».

И глазёнки застигались

Горячей слезой:
«Мама моя дорогая
Будет жить со мной»...

А на этом снимке Николай в школьной форме, на другом – в будёновке... И наконец – прикованный к постели. Одна из последних фотографий 1936 года – Ольга Осиповна, Николай Алексеевич и Екатерина Алексеевна... А здесь снимки, сделанные уже после смерти Николая, в его музее. Щемит сердце, когда смотришь, как пожилая женщина с измученным лицом обеими руками обнимает бюст своего сына-героя и, наверное, плачет (лица Ольги Осиповны не видно)...

Ранним утром мама ходит
Поливать в саду.
И цветочки собирает
К бюсту твоему.
Ставит бережно цветочки
Старческой рукой.
Тихо шепчет; «Это тебе
Колюшка, родной...»

Это всё – строки из стихотворения «Коленьке моему», которое Ольга Осиповна при-слала Тине. Складно или нет – излила то, что на сердце было, о чём душа плакала. Это для нас Николай Островский – в меньшей степени человек, в большей – символ. Символ мужества, стойкости, веры в идеалы. А для неё – Колюшка, малый и всегда – живой. Потому что всегда с нею. Она с ним беседует постоянно, все новости ему рассказывает:

Митя часто приезжает,
Заходит к тебе:
«Ой, братишка, соскучился
Сильно по тебе».
Катя музей охраняет,
Соблюдает тишину.
Гостей твоих провожает
В необъятную страну...

А Тине врач вчера сказал, что надо отнимать ногу. «Не хочу, не хочу, не хочу!» – сту-чало в висках.

- Умру, а ногу не отдам! – заявила она врачу при обходе.
- Болеть же всю жизнь будет!

– Не отдам!

В этот день в их палату поступила с воспалением уха жена её учителя из Малого Нарыса.

– Ну, что помогло твоё письмо Косареву? – тут же поинтересовалась она.

– Вот, в больницу положили... Ногу хотят отнимать...

– Ну, это не выход. Надо лечиться по-настоящему. Давай-ка напиши в партийный контроль при ЦэКа!

И Тина написала ещё одно письмо в Москву. Отреагировали быстро и в 1939 году её направили на лечение в Тюменский костнотуберкулезный санаторий.

«Сочи, 38 г. Милая моя девочка. Я получила твоё письмо, и очень рада, что ты получила назначение на курорт. Ты мне напиши, ходишь ли ты и как долго будешь там. И я сомневаюсь, дойдёт ли это письмо к тебе, ты не написала область. Ты мне напиши. Я хочу тебе послать посылочку, но сомневаюсь, получишь ли ты её. Пока много не пишу. Пиши ты ко мне по адресу в Харьков: г. Харьков 10, Аравийская ул., №7. Мянду для Островской. Будь здорова, милая Тиночка. Твоя Островская.»

Она получила эту посылку от Ольги Осиповны. Когда старшая сестра-хозяйка, которая обычно приносила письма в палаты, сообщила, что пришла посылка, девочки окружили Тину:

– Ой, посылка! От Островской!

Распечатывали её все вместе. В посылке оказалась красивая трикотажная кофточка, модная – с карманчиками – шерстяная юбка, тёплые носки, чулки, перчатки, книги, тетради, конверты, пятьдесят рублей денег и стихи, которые Ольга Осиповна написала для своего Коленьки...

Ольга Осиповна как-то попросила Тину прислать фотографию. И вот девчата, раздобыв у подружек красивые костюмы с матросскими воротничками, сфотографировались. Сначала второём, а потом Тина одна. Эту фотографию она и послала Островской. Только жалела, что волосы очень короткие (их всех здесь стригли «под ноль», только позднее разрешили чуть-чуть отрастить волосы)...

«Милая Тиночка! Я получила твоё письмо с карточкой. Я очень довольна, что ты прислала. Я теперь имею представление, какая ты. Посылаю тебе книжку – сборник материалов об Островском. Ты её береги, потому что их в продаже, наверное, не будет. Их мало вышло. Я теперь лежу больна уже две недели. Я скоро уеду лечиться в Железноводск, и, если не буду писать, то ты, девочка, не грусти, потом напишу. Будь здорова. Островская.»

Тина любила не только рисовать, но и вышивать, шила, играла на нескольких музыкальных инструментах. Однажды она послала две свои вышивки Ольге Осиповне. Всё гадала: понравятся или нет?

«29 июня 39 г. Милая Тиночка. Ты не поверишь, как ты меня порадовала своим подарком. Я когда распаковала, забегала, как девочка и всем показывала. Чувствуется, с какой любовью ты это вышивала, и какие хорошенькие мордашки. Мы все решили, что одна – с голубой лентой – будет для меня, а с вишнями головку я поместила в музей Островского, где помещают его подарки. Спасибо тебе, милая Тиночка. Твоя Островская. Пиши. Получила ли ты телеграфом 50 рублей?»

...Этих писем сохранилось у Тины Ивановны много. Они уже пожелтели от времени и кое-где истёрлись. Но вдруг среди них замечаю совсем «новое» письмо – в современном конверте.

– Это от Зинаиды Павловны Красноок, – объясняет Тина Ивановна. – Она руководитель следопытов из Краснодара. Увидели в музее Островского моё письмо к Ольге Осиповне и вот разыскали меня. Как только нашли?!

– Ну, на то они и следопыты, – говорю.

– А знаете, – вдруг вспомнила Тина Ивановна, – Ольга Осиповна ведь не только со мной переписывалась, поддерживала меня духовно и материально, она и моему лечащему врачу в Тюмень письмо писала: просила, чтобы он дал совет, что можно для меня сделать, чем помочь. И в Сочи хлопотала о путёвке для меня, да война помешала...

«Мне очень досадно, что мне не удалось ничего выхлопотать для тебя. Везде есть свои трудности»...

«Я хлопотала о том, чтобы тебя привезти в Сочи на лето, но пока ничего не добились и мало надежды на то, что мне хотелось тебе помочь с лечением. Но это очень трудный вопрос».

Это Ольга Осиповна писала уже в 1940-м году. Сама бесконечно больная, она ходила по инстанциям, пытаясь помочь никому не известной и ничего из себя не представляющей девчонке из таёжной глуши. Ей было досадно, что помочь Тине пока не удаётся. Наверно, досадовала на тех, к кому обрпщалась: бюрократы, не чуткие люди! Но скоро, ещё немного и всё, может, утрясётся, путёвка будет получена!

Она всё-таки верила. И Тина тоже.

Это сейчас я читаю письмо и не верю. Для нашего государства были люди и были символы. Николай Островский, его жена, его мать нужны были государству как символы. Они работали на него как символы. Всё время, даже после своей смерти. А кто такая для партийно-бюрократического государства Тина?

Сегодня многое сбрасывается с пьедесталов. И особенно ненавистны людям символы, при помощи которых их обманывали. Я хочу, чтобы низвергающие памятники однажды остановились: все эти камни и бронза – не есть настоящие люди. Люди – они все разные. Знаем ли мы из настоящих, не бронзовых?

«Напиши, был ли в заказном письме партомонетик с 50 р. Напиши: «Заказное я получила, всё в порядке». Я пойму»...

Почему появилась в одном из писем Ольги Осиповны такая приписка? Почему она не хотела, чтобы кто-то знал (прочитав письмо Тины), что она посылает девушке деньги?

Сама намучившись с безнадежно больным, израненным сыном, не могла Ольга Осиповна не знать, не чувствовать всей глубины трагедии Тины и старалась ей помочь даже так – потихоньку, чтобы никто не знал...

Меня эти строчки в письме поразили больше всего. Что за ними стояло? Теперь этого никто не узнает... Так же, наверное, как никто не узнает и то, о чём думал длинными ночами (а для него и дни были ночами) сам Николай Островский. Что мы знаем об этом?

Переписка прервалась с началом Великой Отечественной войны. Все эти годы Тина ничего не знала об Ольге Осиповне и лишь спустя несколько лет получила известие, что Ольга Осиповна уже умерла... Кто теперь поплачет у бюста Коленьки так, как плакала она?

Соловей сидит на ветке
Под твоим окном
Не поёт он больше песни,
Видно, грустит он...

Из Тюменского санатория Тину выписали в 1941-м году: освобождались помещения для раненых, привозимых с фронтов Великой Отечественной. К тому времени, девушка уже ходила на костылях и окончила пятый и шестой классы (тоже на одни пятёрки).

Семилетку ей удалось закончить в двадцатилетнем возрасте. Свидетельство получила с отличием. Теперь у неё была возможность без экзаменов поступить в любой техникум или училище. Подала документы в Тобольское медицинское училище. Но в 42-м взяли в армию брата Петра, в трудармию отправили отца. Взрослые сёстры замуж повыходили. Она осталась за старшую с матерью и тремя малышами. Надо было работать. А куда на костылях? Пошла в контору. Сначала была учётчицей трудовой, потом счетоводом. После войны в 1948 году семья поселилась в Коркино. Тина Ивановна работала бухгалтером в детском доме, в школе-интернате №3... Вырастила сына. Имя Александра Кердана известно многим коркинцам: его стихи постоянно печатаются в «Горняцкой правде». Растут у сына и двое собственных сыновей – Ваня и Алёша. Они ещё маленькие (Алёша только в первый класс пошёл). А вот, когда вырастут, станут ли бабушкины реликвии и для них реликвиями? Кто знает...